

культурология образования

Кабкова Елена Павловна,

*доктор педагогических наук,
профессор кафедры истории и теории
музыки и музыкального образования
музыкально-педагогического факультета
Московского городского педагогического университета*
borisr@comtv.ru

Олесина Елена Петровна,

*кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник
Учреждения Российской академии образования
«Институт художественного образования»*
elolesina@gmail.ru

Стукалова Ольга Вадимовна,

*кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник
Учреждения Российской академии образования
«Институт художественного образования»
Москва*
chif599@mail.ru

Городской ландшафт: многообразие культурных смыслов (из цикла «Заметки о современной культуре» – начало в № 3 2011)

Понимание культурного ландшафта как знаковой системы основывается на теории Ю. М. Лотмана о семиосфере, которую ученый определял как «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением». В рамках такого подхода к взаимодействию культуры и природного пространства можно говорить о «второй природе» по отношению к первой, то есть когда артефакты и памятники осмысливаются в контексте ландшафта, когда особенности психологического восприятия влияют на понимание ландшафта и другие аспекты этого взаимодействия (Лавренова О. А.).

Современная теория культурного ландшафта рассматривает культуру и географическое пространство в их единстве. В данном контексте интересно исследование Ю. А. Веденина, который утверждает, что разнообразные рукотворные формы ландшафта являются маркерами исторических событий; культурный ландшафт имеет способность

накапливать потенциал интеллектуально-духовной энергии и формирует особое информационно-символическое поле пространства [2].

Показательно и то, что учеными признается возможность мифологического начала архитектуры: «Целостность, полнота смысловой содержательности и, следовательно, субстанциальность архитектурных форм может рассматриваться как символическое выражение целостности и смысловой полноты мира и человеческого существования. Если научная мифология расколдовывает мир, то архитектура вновь заколдовывает его и дает человеку чувство, о котором писал А. Лосев в «Диалектике мифа», чувство чуда существования в мире» (А. Г. Раппапорт).

Часть I. Культурные коды Воронцовского парка

На юго-западе Москвы раскинулся Воронцовский парк, небольшой, но любимый местными жителями. Судьба этого парка отражает историю страны, взлеты и падения, периоды расцвета и запустения. В результате культурное пространство парка наполнилось разнообразными артефактами, несущими в себе информационно-символические коды, которые считаются посетителями и формируют современный образ парка.

Парк существует еще с XIV века на месте усадьбы боярина Федора Воронца (родоначальника династии Воронцовых). В завещании великого князя Московского Ивана III (1479–1533) Воронцово значится среди других селений и земель, отданных его старшему сыну Василию III, а при царе Алексее Михайловиче усадьба перешла во владение к князьям Репниным. Затем имение переходило от одних владельцев к другим, пока в XX веке парк стал государственным.

Наиболее ярким в процессе формирования культурного ландшафта парка был период XVIII–XIX веков, когда имение принадлежало генералу-фельдмаршалу Николаю Васильевичу Репнину, крупному государственному деятелю и дипломату времен Екатерины II и Павла I. Именно в это время был создан усадебный комплекс с четкой осевой композицией, включающей в себя большой пруд, огромный парк и три аллеи, подводящие к главному дому со стороны Старой Калужской дороги. К 1770–1780 годам относится появление въездных ворот с караульнями на центральной подъездной аллее и паркового павильона в конце северной аллеи (предположительно работы архитектора В. И. Баженова).

В 1807 году один из увеселительных парковых павильонов был реконструирован и переделан под Храм Живоначальной Троицы. Здание храма еще недавно лежало в руинах, его восстановление началось в 1990 году. Колокольня и одна из стен храма фактически были выстроены заново. Храм Живоначальной Троицы (Свято-Троицкий приход в

Воронцово) в настоящее время передан в безвозмездное пользование Московской епархии Русской православной Церкви.

В ходе подготовки к войне 1812 года на территории усадьбы проходило строительство воздушного шара, который, согласно замыслам создателя, немца Франца Леппиха, должен был поднять в воздух около пятидесяти человек одновременно и бомбардировать вражеские позиции взрывчатыми снарядами. Строительство проходило под покровительством императора Александра I и при активном содействии графа Аракчеева и генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина. К сожалению, завершить эти работы не успели. Когда наполеоновские войска подошли к городу, недостроенный шар с материалами и рабочими эвакуировали в Нижний Новгород, а усадьба была сожжена французами. После войны имение заново отстроили.

В 1920-е годы в парке располагался Научно-исследовательский институт растений и было развернуто опытное хозяйство «Воронцово», а затем до 1976 года – свиноводческая ферма.

В 1960 году Постановлением Совета Министров СССР Воронцовский парк с комплексом сооружений объявлен памятником архитектуры и садово-паркового искусства.

Каждая эпоха оставила свои культурные маркеры, вмещающие в себя символы эпохи. Каждое поколение вкладывает особые смыслы в артефакты давно существующего культурного ландшафта парка. Группа старшеклассников Центра образования № 46 города Москвы (учитель Субботина Юлия Викторовна) провела интересное исследование культурного ландшафта и информационно-символического поля Воронцовского парка. Школьники разговаривали с посетителями усадьбы и выясняли, как они осмысливают различные культурные и природные памятники [9].

Большинство посетителей парка определили его в первую очередь как природный комплекс. Этот факт показывает, что наиболее яркими маркерами современных людей различных возрастных групп стали не архитектурные или увеселительные постройки, а природа как особое символическое поле, которого так не хватает горожанам.

Действительно, сегодня Воронцовский парк, который в разговорной речи чаще называют Воронцовские пруды, представляет собой уникальный ландшафт. Так, в пойме реки Чары восстановлен каскад прудов, созданный еще в середине XIX века. На территории прудов формируется исток реки Раменки (приток реки Сетунь). В парке сохранились уникальные экземпляры старых деревьев – дубы, липы, а также вязовая аллея, являющаяся объектом охраны как памятник природы. Многие респонденты высоко оценивали ландшафт с точки зрения возраста деревьев: «Среди старых деревьев

чувствуешь историю», «Как в сказочном лесу», «Эти деревья могли бы много рассказать». Таким образом, горожане осмысливают ландшафт как культурный код, наполняя его живой историей, сказкой, олицетворением природы, приближением естественных ландшафтных объектов к человеческой сущности.

Вторым по значимости культурным маркером стали архитектурные постройки, выполненные в классическом стиле: въездные ворота с караульнями на центральной подъездной аллее и парковый павильон. Даже посетители, не имеющие познаний в области истории архитектуры, определяли данные постройки как «строгие», «четкие», «легкие», «являющиеся лицом парка». Пожилые люди (60–80 лет) отмечали, что постройки являются памятью и основой, на которой держится парк, и были согласны с необходимостью дальнейшего восстановления зданий. Приятно, что молодежь (16–25 лет) чаще всего определяла художественный стиль – классицизм, а некоторые даже знали об архитекторе В. И. Баженове и его предполагаемом авторстве. Но во мнении о дальнейшей реконструкции молодые люди расходились: одни были уверены в необходимости этого процесса, другие настаивали на том, что парк – это в первую очередь зона активного отдыха. В данном случае мы видим, как различные возрастные группы наполняют своими смыслами один и тот же культурный ландшафт.

Еще одним ярким культурным маркером стал Храм Живоначальной Троицы, небольшой по размерам, так как изначально был домовым храмом, но ставший в последние годы духовным центром парка. Сегодня при храме действуют воскресная, хоровая и иконописная школы, открыта небольшая библиотека. Разговор с посетителями парка показал, что сегодня можно говорить о православии как культурном наследии. Все без исключения опрошенные отметили значение храма в символическом поле данного культурного ландшафта: «храм “освещает” округу», «церковь естественно смотрится среди старых деревьев», «без храма было бы пусто». Многие часто посещают этот храм, кто-то в нем крестил детей, кто-то приходит во время церковных праздников. В любом случае, считал ли себя респондент верующим или нет, значение в культурном ландшафте парка и необходимость Храма Живоначальной Троицы признавались всеми.

Маркером оказался также поклонный крест в память о жителях Москвы, погибших при ликвидации последствий Чернобыльской аварии, установленный рядом с храмом. Выяснилось, что люди чаще всего не читают надпись, поэтому, редко кто знал, в память о каком событии поставлен этот крест. Каждый человек наполнял данный артефакт своим смыслом: были такие варианты ответов, как «в честь возрождения православия», «в память о погибших на войне (войны предлагались разные)». В данном контексте важно,

что памятник как культурный код наполнялся именно тем смыслом, что в него и был изначально заложен, даже если событие, которому он посвящен, называлось не правильно.

Приятно заметить, что ферма, достаточно долго располагавшаяся на территории Воронцовского парка, практически не оставила своих культурных маркеров. Хотя несколько пожилых людей помнили бараки, которые до 1972 года находились непосредственно в парке и откуда жильцы были переселены в новостройки.

И, конечно, очень ярким культурным маркером является развлекательная функция парка: наличие детских игровых площадок, пункта проката лодок летом, станции купания «моржей» и катка зимой, возможность катания на лошадях, спортивные площадки, удобные скамейки на тенистых аллеях, несколько летних кафе. В праздничные дни в парке проводятся различные мероприятия и народные гуляния: на Новый год, Масленицу, День Победы и др. Наибольший восторг эта функция парка вызывала у детей. Чем старше был респондент, тем меньше он уделял внимания этим моментам, подразумевая, что развлечения и удобства, конечно, нужны, но они не являются главными культурными маркерами Воронцовского парка.

Культурный ландшафт накапливает потенциал интеллектуально-духовной энергии, формирует смысловое поле, в котором на равных правах существуют материальная и духовная культура, современная (традиционная и инновационная) и культурное наследие. И хотя культурные коды читаются разными поколениями по-своему, общая тенденция сохраняется: значимость культурного ландшафта Воронцовского парка как природного и исторического наследия признается всеми жителями и гостями города.

Часть II. «Сталинские высотки» как символ «новой пролетарской культуры»

Семь зданий, построенные в Москве в конце 1940-х – начале 1950-х годов и получившие название «Сталинские высотки», поначалу воспринимались не как архитектурные памятники, а исключительно как памятники политической эпохи. Действительно, эти сооружения нельзя назвать архитектурой в полном смысле этого слова, так как архитектура – это всегда сочетание конструкции и пространства, а эти дома сочетают в себе скорее пространство и объем, что более характерно для скульптуры [8].

По организации внутреннего наполнения высотки представляют собой своеобразные огромные «термитники», и это внутреннее пространство никак не связано с внешним.

Сооружения эти довольно быстро «вросли» в московский пейзаж, и их остроконечные силуэты стали одним из характерных признаков облика Москвы, чего не случилось, между прочим, с подобным зданием в Варшаве: оно так и не вписалось в городскую среду, оставаясь по сей день чем-то чужеродным, привнесенным извне.

История московской застройки чрезвычайно драматична, и накал страстей за последнее столетие только усиливался. Отдельного исследования заслуживает история уничтожения московских памятников архитектуры, история противостояния ученых, историков, искусствоведов, архитекторов, журналистов и городских властей. Давно ни для кого не секрет, что из списка памятников, которые должны охраняться государством, было изъято большое количество сооружений, имеющих историческую и художественную ценность. Этот процесс продолжается и сегодня, подогреваемый усилиями плохо образованных, алчных чиновников и недобросовестных застройщиков.

В 1930-х гг. в архитектурной застройке Москвы преследовалась цель соединить ценности пролетариата, которые воплощал большевизм, с ценностями гуманистической мировой культурной традиции, с идеалами социальной справедливости, духовного, социального, материального и экономического прогресса. Вместе с тем идеология большевизма была по своей сути идеологией модернизма, новаторства, индустриализма, и в этом – корень неприятия ею традиционной культуры.

В конечном счете развитие самой культуры, ее внутреннее содержание было втиснуто в жесткие рамки одномерного мышления. Формирующаяся в условиях новой власти культура по своей сути, типу была массовой, по форме – «советской».

«Новая культура» стала прежде всего толкователем и иллюстрацией официальной идеологии, однако не сводилась к ней. Массовая культура демократична. На Западе массовая культура в силу своего наднационального, «космополитического» характера преследовала цель социализации и культурации индивида в условиях рынка и сопровождалась усиленной коммерциализацией искусства [11].

В изолированной практически от всего остального мира стране Советов массовая культура также преследовала цель социализации и культурации личности, порывающей (добровольно или принудительно) с прежней эпохой и обретающей себя в новой, социалистической культуре. Советская культура стала проявлением вхождения общества в современность.

Культура должна была стать цементирующей основой новой политической и социальной структуры. Особое место отводилось народной интеллигенции – «прослойке» между рабочим классом и трудовым крестьянством, – которая должна была, отработывая хлеб свой, «обслуживать» трудовой народ в лице его государства. Начинался процесс безграничной политизации литературы, искусства, философии, науки, в результате которого советская система поставила на грань выживания все значительные явления культуры. Сильный удар был нанесен по традиционной народной и религиозной культуре. Социальное насилие над культурой стало нормой.

В результате культурной революции и урбанизации, совершенных в рекордно короткие сроки, и мощной перекачки населения из деревни в город возникла неустойчивая и «гибридная» культура. В основе советской культуры лежала общинная модель русского крестьянства. Налицо был явный парадокс. Будучи враждебной крестьянству, сталинская идеология черпала свое вдохновение в русском крестьянском опыте. Этот опыт был многогранен. Страх перед социальным неравенством в своей среде, выливающийся в зависть к достатку богатого соседа и уравнивательность, неразвитость потребностей препятствовали динамизации культуры, социальных отношений, росту производительности труда.

Черты мифологического сознания затрудняли формирование рационалистического типа культуры, в свою очередь являвшейся почвой для развития науки. Общинная органичность, перенесенная на большое общество, заставляла представлять последнее как нечто подобное общине, со стертыми социальными границами, что чревато формированием утопических идеалов, не дающих возможности эффективной ориентации в сложной социальной среде.

Большевистская идеология по сути впитала в себя немалое количество элементов русской общинной модели крестьянства, что делало ее весьма понятной и приемлемой для «народа». Архаизация и упрощение стали символами эпохи. Именно отсюда возникает акцент на главенство партии, государства и их верховного вождя, на уважение к властям, на подчинение их волне, на преследование неконформизма, на повышенную оценку принципа интеграции в коллектив, которому человек принадлежит, на включенность в систему. Формирование советского менталитета требовало набора позитивных стимулов и сильных побудительных мотивов, среди которых сильнейшим был страх. Уникальный эксперимент в области социальной психологии дал желаемые результаты. Было создано то, что официально именовалось морально-политическим единством советского народа.

Советскую культуру отличали волевой характер, командные интонации даже в лирике, навязчивая нравоучительность прозы, гигантомания в скульптуре, брутальность архитектуры, которые были адекватным воплощением духа времени и потребностей институтов политической и экономической власти. Был разработан механизм подчинения культуры нуждам идеологии. Государство сдерживало уровень культуры на линии «соответствия» системе этого государства. Декларировалась необходимость классики, и немало делалось для приобщения народа к ней, но ровно столько, чтобы культура масс оставалась в меру примитивной. Деятели культуры не только притесняли, судили, высылали из страны, но и душили в восторженных объятиях, осыпая золотыми звездами,

премиями, прочими благами – в частности, квартирами в тех же высотках (тогда как 2/3 населения жило в чудовищных коммуналках).

Шпили «сталинских высоток», напоминающие одновременно кремлевские башни и готические соборы, также вызывают амбивалентные чувства. Они не могут не восхищать своей мощью и даже некоторым изяществом, не могут не вызывать ощущения роскоши, стабильности, богатства – и в то же время в этих домах есть что-то мистическое, давящее, напоминающее о твоём несовершенстве и ничтожности. Высоченный дом, устремленный в небо... А внутри огромные пустые лестничные площадки – и это при том, что пол-Москвы ютится в подвалах и на чердаках, а в крошечных комнатухах живет одновременно несколько семей.

Одна из «сталинских высоток» стала Храмом Науки – МГУ им. Ломоносова, другая – гостиницей, третья – Министерством иностранных дел... Разнообразные функции, но функциональность зданий одинаково непродуманная, точнее – некомфортная. Здесь снова – след идеологии. Поразить внешне, «восславить» государственную мощь, способную обеспечить строительство такого инженерного чуда, но при этом не продумать санузелы, удобство планировки и т. д.

Часть III. «Хрущобы» и культура «оттепели»

После смерти Сталина последовательно ослаблялись негативные подкрепления социалистической идеологии, несущие конструкции Homo Sovieticus'a. Пошатнувшийся миф о советском человеке призвана была укрепить третья Программа партии, принятая в 1961 г., сердцевиной которой стал «Моральный кодекс строителей коммунизма».

И все же жизнь менялась. 1960-е и ознаменовали появление и развитие нового для СССР явления – частной жизни. Концепция частной жизни, чуждая до настоящего времени в широком масштабе культуры русского народа, развивалась тем более быстрыми темпами, что она являлась защитной реакцией на бесконечное инквизиторство «органов». И уже скорее не в общественном, а в «частном месте» испытывали потребность россияне с 1960-х годов. Если к идее индивидуального существования прибавить рост образованности советских людей, усиление включенности в орбиту мировых событий и мировой культуры (хотя и в урезанном виде), то нетрудно понять, почему культурная атмосфера изменилась.

После XX съезда партии начался мучительный процесс возвращения обществу его памяти – пока фрагментарной, урезанной. В конце 1950 – начале 1960-х гг. приоритет в деле реконструкции памяти принадлежал не истории, а литературе, мемуаристике. В то же время положение и функции культуры, утвержденные еще при Сталине, сохранялись. И

это не скрывалось: она должна была оставаться служанкой политической и социально-экономической системы общества – соответствовать ей.

Блочные «пятиэтажки» образца 1959–1963 гг. (так называемое «хрущобы») произведением искусства назвать нельзя, но они являются ярчайшим культурным знаком интереснейшего периода советской истории, получившего, благодаря И. Эренбургу, выразительное имя «Оттепель».

Сама простота этих сооружений говорит о ценностных ориентациях времени, когда главной задачей было хоть как-нибудь, более-менее нормально расселить людей, рассредоточить перенасыщенные центры мегаполисов в кратчайшие сроки и по типовым проектам. Таким образом, пресловутые «хрущобы» несут весьма содержательную историко-культурную информацию.

Эти коробки, разделенные внутри на мизерные клетушки, с одной стороны символ жесточайшего расчета (рациональности), а с другой – мера рационального здесь настолько превышает разумное, что превращается не просто в «строгий учет», а в «учет каждой двенадцати с половиной копеек». С одной стороны, кажется, в этих инсулах можно было не жить, а только кое-как «существовать», но, с другой – люди, переселившиеся в такую инсулу из перенаселенного подвала, считали, что за их собственной (!) картонной дверью они могут строить свой собственный мир, соответствовать времени, быть независимыми от бремени вещей.

Вспомним типичный для того времени интерьер такой квартирki: скудная низкая полированная мебель (обязательно два кресла и журнальный столик под пластиковым торшером), никаких «мещанских» ковров или салфеточек, на стене фотография Хемингуэя, на серванте – бюстик Нефертити. Эта романтическая, трогательная и предельно иррациональная обстановка сохранялась недолго, но на смену прошлому иррационализму пришел новый, который также поначалу рядится в одежды разума и расчета.

Литература

1. Алексеева Л.Л. Российское образование через искусство: традиции, реалии и перспективы// Педагогика искусства: электронный научный журнал, 2010, # 3 - URL: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-3-2010/11_09_alekseeva.pdf
2. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр., 2001, № 1. С. 7–14.
3. Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
4. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010.

5. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Том 2. Л.: Худож. лит., 1987. С. 418–494.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
8. Кружков Н. Из истории московских сталинских высоток// [http://retro.samnet.ru/skyscrapers/moscow skyscrapers 2.htm](http://retro.samnet.ru/skyscrapers/moscow_skyscrapers_2.htm).
9. Олесина Е.П. Воображение как механизм активизации художественно-эстетического сознания школьников//Педагогика искусства: электронный научный журнал, 2006, № 1. – URL: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/olesina_10-12-2006.htm
10. Раппапорт А.Г. Среда и архитектура// В кн. «Городская среда: проблемы существования». М.:ВНИИТАГ, 1990.
11. Стукалова О.В. Современное художественное образование в контексте постмодернистского дискурса//Педагогика искусства: электронный научный журнал, 2007. № 2. – URL: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-2-2007/stukalova_12-07-2007.htm.
12. Stukalova O.V., Kabkova E.P. Creating their own worlds ...Or the Commonwealth of Art in the tradition of arranging Russian Parks and Gardens of the XVIII-th century// XIV Forum Landscape architecture. – Wroclaw: University of environment and life sciences, 2011. – С. 96-99. - 0, 4 п.л./ 0, 2 п.л.

Приложение

Воронцовский парк

Храм Живоначальной Троицы

Здание на Котельнической набережной

Гостиница «Украина»

«Хрущоба»